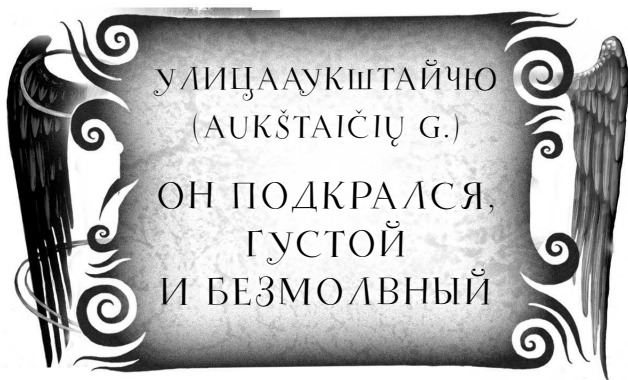

ОГЛАВЛЕНИЕ

Улица Аукштайчю (Aukštaičių g.)	
Он подкрался, густой и безмолвный	7
Улица Базилиону (Bazilijonų g.)	
Живой человек Валентин	20
Улица Барборы Радвилайте (Barboros Radvilaitės g.)	
Strange Love	52
Улица Ванагелё (K. Vanagėlio g.)	
Ведьма, жаба, принцесса	87
Улица Варпу (Varpų g.)	
Что тебе снится	105
Улица Врублевскё (T. Vrublevskio g.)	
Карл у Клары	116
Улица Жвиргждино (Žvirgždyno g.)	
В ночь с понедельника на среду	145
Улица Жиду (Žydų g.)	
Дело о пирожках с капустой	173
Улица Клайпедос (Klaipėdos g.)	
Повадки духов Нижнего Мира	197
Улица Косцюшкос (Kosciuškos g.)	
Тяжелый свет	214

Переулок Кривулес (Krivūlēs skg.)	
Прокрастинатор	254
Улица Литерату (Literatū g.)	
Дипломная работа.	270
Улица Малуну (Malūnū g.)	
И я из тех, кто выбирает сети	285
Улица Савичяус (Savičiaus g.)	
Хаос и Маргарита	298
Улица Стотис (Stoties g.)	
Река Амелес, безрассудный	343
Улица Субачюс (Subačiaus g.)	
Не наш ветер	377
Сквер Тибета (Tibeto skveras)	
До первой русалки	391
Улица Тилто (Tilto g.)	
На острие иглы	401
Улица Швенто Казимеро (Šv. Kazimiero g.)	
И вот я тут теперь живу	408
Улица Этмону (Etmonū g.)	
Карты на стол.	444

Нёхиси куда-то пропал.

То есть не глобально пропал, конечно. Об этом речи нет. Если бы Нёхиси пропал глобально, не о чем было бы говорить. Да и, пожалуй, некому.

Строго говоря, Нёхиси вообще никуда не пропадал, просто я уже очень долго его не видел. Дней шесть, кажется. Или даже семь? В общем, с тех пор, как выпал первый декабрьский снег и он позвал меня отпраздновать это событие кружкой горячего вина. Нёхиси любит зиму, а я терпеть не могу, и он это знает, поэтому в холода с него всегда причитается, а в оттепель причитается с меня, все честно.

Собственно, потому я и беспокоюсь: тот снег, который мы так душевно встретили в гамаке под Заречным мостом, закусывая горячее вино колотым речным льдом, успел благополучно растаять, потом снова ударил мороз, и мокрые тротуары превратились в катки, но всего на сутки, потому что на следующий день на небо, спроне дико озираясь по сторонам, выкатилось совершенно весеннее с виду солнце, ртутный столбик термометра подскочил до плюс восьми, идиллия продолжалась

целых три дня, а Нёхиси так ни разу и не выпрыгнул на меня из-за угла с криком: «Эй, это кто тут слякоть развел посреди моего декабря?» А ведь я все это время предусмотрительно носил во внутреннем кармане пальто флягу с его любимым темным ромом, лучшее, неоднократно проверенное средство от зимних бурь.

Впрочем, это как раз ладно бы, не каждый день Нёхиси приходит охота изображать праведный гнев в обмен на глоток темного рома, но вчера ночью снова изрядно приморозило, с утра начался снегопад, а не нанести мне по такому случаю утешительный визит — совершенно на него не похоже. Торжествующе извиняться передо мной в связи с очередным наступлением холодов Нёхиси любит даже больше, чем эти холода устраивать.

Поэтому я места себе не нахожу. И думаю, что надо бы его поискать.

Штука в том, что, расставаясь, мы с Нёхиси никогда не договариваемся о следующей встрече. До сих пор это было совершенно ни к чему, потому что он и так постоянно попадаетея мне на глаза. Ну или я ему. В общем, мы то и дело попадаемсея друг другу на глаза, можно подумать, будто в мире никого кроме нас вообще нет.

Хотя это совершенно точно не так, мы проверяли.

Ладно, ладно. Все когда-нибудь приходится делать впервые. По крайней мере, я знаю, с чего следует начинать поиски: надо выйти из дома.

Выйти из дома не так просто, как может показаться. Сперва надо одеться, что само по себе та еще задача. Свитер, штаны, ботинки, все вот это вот бесконечное торжество материи над другой материей — той, из которой временно состою я. Ах да, еще под ботинками должны быть носки. Я толком не знаю зачем, но должны, это точно. А поверх свитера следует надевать пальто. Ну или куртку какую-нибудь, но пальто мне нравится больше, его полы развеваются на ветру и таким образом рождают еще один, дополнительный ветер, а это само по себе удовольствие — всегда, даже сегодня, когда на термометре минус четыре, с неба падают мокрые снежные хлопья, под ногами злокозненно похрустывает лед, и в сердце моем по этому поводу не то чтобы настоящая тоска, а, скажем так, некоторая досада.

Впрочем, ладно, я сейчас не о том. А о том, что надо, черт побери, одеться.

Но одеться — это еще только полдела. Прежде чем выйти из дома, надо решить, что это сегодня будет за дом. И на какой улице он стоит, и как выглядит — все детали, вплоть до цвета входной двери и прорех в заборе. Потому что если уж взялся быть частью материального мира, будь добр, поддерживай полную определенность во всем. Бардака тут и без тебя предостаточно. В смысле без меня. Ну, то есть без нас.

Чаще всего дом, из которого я выхожу, стоит на улице Аукштайчу. Это, на мой взгляд, идеальное место. Улица расположена в самом центре и одновременно на таких задворках, что, если специально ее

не искать, в жизни туда не забредешь. Целых домов здесь всего четыре, в одном из них детский сад, второй недавно отремонтировали и устроили там какой-то шикарный офис, а два оставшихся выглядят обжитыми и заброшенными одновременно, вот так сразу не поймешь, то ли хозяев выселили буквально позавчера, то ли они сами затеяли ремонт, то ли просто живут среди покосившихся стен, выходят на крыльцо, переступая через груды отсыревших досок, подставляют тазы под вечную потолочную капель в надежде, что дома выправятся как-нибудь сами, особенно если регулярно подкладывать под их стены новенькие румяные кирпичи, как сухой корм в кошачью миску — угощайся, дорогой.

Мой дом выглядит точно так же, как соседские: щербатые стены, перекошенные двери, черная от времени черепица, цветы на подоконниках, теплый желтый свет за помутневшими от времени стеклами, на осыпающемся балконе в любую погоду сушатся серые от частых стирок полотенца и вызывающе жизнерадостные красные трусы, такие достоверные в своей нелепости, что, глядя на них, никто никогда не вспомнит, что еще вчера на месте этого дома был крошечный пустырь, умиротворяюще пологие холмы тряпок и битых кирпичей в зарослях прошлогодней травы и одна-единственная уцелевшая стена — белая, снизу доверху разрисованная летящими птицами.

А дальше по улице неприятливо скалятся остовы разоренных промышленных зданий, вечная стройка, круглосуточно распахнутые ворота с предостерегаю-

щей табличкой: «Внимание, опасно! Не ходить». Врут, кстати, нет там никаких опасностей, но интересного тоже ничего нет, только смутное обещание будущих изменений и сопутствующей им человеческой суеты.

А еще там рядом река. Не то чтобы это было жизненно важно для меня, просто очень приятно. Я люблю жить рядом с рекой.

В общем, сегодня я выйду из дома на улице Аукштайчу. Это решено.

Но прежде, чем выходить, следует остановиться на пороге и прочитать магическое заклинание: «Ключи, кошелек, телефон». Несмотря на кажущуюся простоту, это очень сильное заклинание, совершенно необходимое в моем положении, без него на улицу лучше не соваться. Все будет не то и не так, реальность рассыплется на фрагменты, как пазл, по неосторожности сброшенный со стола незадолго до завершения работы, рассердишься, растеряешься, а потом внезапно откроешь глаза, и выяснится, что ты все еще лежишь в постели, укутанный в какой-нибудь припавший с прошлого лета теплый густой туман, а голова покоится на подушке, набитой недосмотренными сновидениями вечно не высыпающихся студентов Художественной Академии — из них, кстати, получают самые лучшие подушки, какой там пух, какое перо и, тем более, синтепон.

Само по себе все это неплохо, но означает, что хлопотные сборы просто приснились, теперь придется начинать сначала. И хотя бы на этот раз не забыть перед

выходом из дома прочитать заклинание: «Ключи, кошелек, телефон».

Аминь.

Можно идти.

И иду я, конечно же, к реке. Не факт, что Нёхиси обнаружится именно там, в отличие от меня он не видит особой разницы между водой и сушей и не предпочитает одно другому. Но прогулка у реки сама по себе удовольствие, а значит, вся суета со сборами была не зря, вне зависимости от того, найдется Нёхиси или нет.

К тому же он все равно уже нашелся.

Сидит, как ни в чем не бывало, под старой высокой ивой, прямо в сугробе. Впрочем, вру, все-таки нет, не в сугробе, нашел где-то древние детские санки, деревянные, на металлических полозьях, теперь на таких, кажется, никто и не катается, но табуретом они служить вполне могут, почему нет.

Удивительно, Впрочем, не это. А то, что в руках у Нёхиси книга. Никогда прежде не видел его с книгой в руках. Если Нёхиси приходит охота почитать, он просто идет в ближайшую библиотеку, прячется там на какой-нибудь полке, сворачивается клубком по кошачьи, а иногда и правда превращается в кота, просто для собственного удовольствия, дремлет там, сколько пожелает, а книги читают ему себя сами, им это очень нравится, а удается нечасто, читателей вроде Нёхиси по пальцам можно пересчитать.

Но сейчас Нёхиси читает книгу обычным способом. Более того, приблизившись, я понимаю, что он делает это

вслух. Я открываю рот, чтобы спросить, что это с ним стряслось, но Нёхиси, заметив меня, сразу прижимает палец к губам и — даже не произносит, а думает: «Тсссс!»

Ладно, потерплю.

Я оглядываюсь по сторонам, прикидывая, как бы устроиться поудобней. Вокруг сугробы, а еще одних санок Нёхиси для меня не припас, лучшее, что можно сделать в такой ситуации — забраться на дерево и устроиться на какой-нибудь ветке потолще, прислонившись спиной к стволу.

Ну, почему бы и нет.

— Я был на корабле Флинта, когда он зарыл сокровища, — читает Нёхиси. — С ним было еще шесть моряков — здоровенные, сильные люди. Они пробыли на острове с неделю, а мы сидели на старом «Морже». В один прекрасный день мы увидели шлюпку, а в шлюпке сидел Флонт, и голова его была повязана синим платком. Выходило солнце. Он был бледен как смерть и плыл к нам... один*.

«Остров сокровищ», надо же. Нёхиси читает «Остров сокровищ» — вслух, среди бела дня, на берегу реки. Не стану утверждать, будто ничего более удивительного мне в жизни видеть не доводилось, но вот прямо сейчас припомнить не могу. Спасибо ему за это.

Я поплотнее закутываюсь в пальто и закрываю глаза. Как будто мне снова восемь лет, я лежу в постели

---

* Роберт Льюис Стивенсон «Остров сокровищ», перевод Н. Чуковского.

с очередной простудой, и папа читает мне на ночь «Остров сокровищ» — честная плата за стоически перенесенные горчичники, у нас так было заведено.

И я — не то чтобы засыпаю, но погружаюсь в сладкую дрему, синюю, как ранние зимние сумерки, которые уже начались.

— До сих пор мне снятся по ночам буруны, разбивающиеся о его берега, и я вскакиваю с постели, когда мне чудится хриплый голос Капитана Флинта: «Пиастры! Пиастры! Пиастры!» — произносит Нёхиси, и я сквозь дрему думаю: «Надо же, уже до конца дочитал».

Нёхиси задирает голову и говорит мне:

— Привет.

— Ты чего затеял? — спрашиваю я.

— Читаю, — коротко отвечает он. — А почему ты мне никогда не рассказывал?

— Не рассказывал — о чем? Что есть такая книжка «Остров сокровищ»? Ну, извини. В голову не приходило, что тебе именно этого не хватает для полного счастья.

— Не рассказывал, что дети любят, когда им читают вслух на ночь. Я-то сам никогда не был маленьким. И не знал...

— А разве это важно? — удивленно спрашиваю я, свешиваясь с ветки.

Разговаривать так не очень удобно, просто мне пока лень слезать.

— Важно, — говорит Нёхиси. — Не лично мне, а деревьям. Они же каждый год засыпают на всю зиму. И никто никогда не читает им вслух. По-моему, им

должно быть очень обидно. Они-то знают, как здорово засыпать под хорошую книжку.

— Откуда они это знают?

— Да оттуда же, откуда и я. Из разговоров.

— Из каких разговоров?

— Из человеческих, — устало объясняет Нёхиси. —

Ну что ты прикидываешься тупицей?

— Я не прикидываюсь. Просто пока ты читал, я задремал. А спросонок я тупица и есть. Поэтому давай ты объяснишь все с самого начала.

— Ладно.

Нёхиси сегодня на редкость покладист.

— У меня и кофе есть, — говорит он, доставая термос из внутреннего кармана пальто. — Но за ним тебе придется спуститься на землю.

— А еще одних санок у тебя случайно нет? — ехидно интересуюсь я. — Моя задница, видишь ли, не создана для попирания сугробов.

Нёхиси молча достает из внутреннего кармана пальто деревянные санки на металлических полозьях, такие же, на каких сидит сам. Теоретически я знаю, что у него всегда при себе весь мир, но на практике все равно всякий раз удивляюсь такому эффектному жесту.

И от удивления спускаюсь наконец с неба на землю. В смысле спрыгиваю с дерева в сугроб.

И достаю из своего кармана флагу с ромом, чтобы Нёхиси тоже как следует удивился. Потому что в такой собачий холод я его обычно не угощаю. Но сегодня — ладно, пусть будет. Такой уж день, все у нас кувыркком.